

**АНДРЕЙ
ТКАЧЕВ**

**ВРЕМЯ МУДРЫХ, СЧАСТЛИВЫХ
И НЕМНОГО СВЯТЫХ**

ВОЗРАСТ ЗРЕЛОСТИ

**КАК ПРОЖИТЬ ЖИЗНЬ ТАК,
ЧТОБЫ ВАША СТАРОСТЬ
СТАЛА ДВИЖЕНИЕМ ВВЕРХ**

Книги протоиерея Андрея Ткачева

Андрей Ткачев

**Возраст зрелости. Время мудрых,
счастливых и немного святых**

«ЭКСМО»

2018

УДК 281.93
ББК 86.372

Ткачев А.

Возраст зрелости. Время мудрых, счастливых и немного святых
/ А. Ткачев — «Эксмо», 2018 — (Книги протоиерея Андрея
Ткачева)

ISBN 978-5-04-089715-5

Как прожить жизнь так, чтобы ваша старость стала возрастом зрелости, движением вверх и благословенным даром для вас и ваших близких? Часто мы неловко не замечаем стариков, боимся собственной старости, болезней, немощи, одиночества, нищеты, жалкого и бессмысленного существования на исходе дней в то время, как есть надежный, проверенный веками способ жить полной и осмысленной жизнью во все дни земного существования, отведенные человеку: от беззаботной юности до зрелости и старости. В своей поразительной книге один из самых популярных православных священников отец Андрей Ткачев рассказывает об этом способе жить в мире и гармонии с собой, ближними и всем миром.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-089715-5

© Ткачев А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
I. Что говорит о старости Библия	8
Старики, о которых рассказал Ветхий Завет	8
Рассказ одной древней души о Ное и потопе	11
Знакомство с судьями Израиля	13
Сладкий плод старости	16
Имя ему Иоанн	18
Рассказ о Симеоне Богоприимце и Анне Пророчице	21
Жизни, которые больше столетия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Протоиерей Андрей Ткачев

Возраст зрелости. Время мудрых, счастливых и немного святых

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
Номер ИС Р18-804-0142

© Ткачев А., текст, 2018

© ООО «Издательство «Воскресение», 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Протоиерей Андрей Ткачев – священнослужитель, писатель, публицист, радиоведущий и миссионер, лауреат Книжной премии Рунета 2013, номинант Патриаршей литературной премии 2014 и 2016 годов.

В наше время «модно» быть молодым. И даже юным.

Ученые и социологи всерьез обсуждают возможность продления подросткового возраста до 24 лет. На этом фоне всеобщей гонки за молодостью совершенно упускается тот факт, что значительную часть жизни вы проживаете в зрелом возрасте, который не стоит бояться назвать старостью.

«Возраст зрелости» именно об этом периоде жизни. О том, как достойно его встретить и провести. В старости нужно жить в гармонии с собой и миром. Это удивительное время, способное даровать мудрость тем, кто прожил жизнь правильно и не боится возрастных перемен.

Вместо предисловия

С молодыми и полными сил людьми говорить о старости трудно, а такой разговор нужен. Обе стороны могут друг друга не понять. Молодые смотрят на стариков как на инопланетян. А уместно ли вообще молодым говорить о старости? Похожий вопрос: уместно ли богатым рассказывать о бедных?

Силы и молодость – это богатство. Старость – немощь, скудость. Говорить с молодыми людьми о стариках – все равно что говорить с богатыми о бедности. А говорить необходимо, поскольку если очередной крутой жизненный поворот и не накажет состоятельного человека нищетой, то смерть все равно разлучит человека со всем, что он имеет. Правильный взгляд на богатство – это взгляд с точки зрения его относительности или даже ничтожности. Только так можно правильно расположить свою жизнь по отношению к имуществу и самому обладать им, не давая ему обладать тобой.

Попробуем взглянуть на молодость так же, как только что – на богатство. Молодость богата временем, силами, дерзанием. Она буквально кипит богатством, которое – на беду – как время, скоротечно и, как утренний туман, так же быстро исчезает.

Современная культура вежливо презирает стариков и пестует культ молодости. Нет, конечно, мы помним, что гуманизм измеряется в обществе отношением к женщинам, детям, калекам и пожилым людям. Но все равно западная культура ориентирована на молодого и здорового. Стоит тебе впасть в немощь, как тут же тебя пересаживают в шлюпку, а «Титаник» жизни, сверкая огнями и гремя оркестрами, уплывает дальше. Современной жизни старик не нужен. В идеале его следует изолировать в комфортный дом престарелых, где обслуживающий персонал за достойную зарплату окажет старику комплекс необходимых услуг. А жизнь спешит вперед – за миражами и фантазиями.

Старики на Западе чувствуют это и панически боятся перестать понимать молодых, стать для них неинтересными и немодными. Они одеваются в спортивную одежду, стараются путешествовать, если им позволяет достаток, жадно вслушиваются в шумное многоголосье современности, пытаются «быть в курсе».

В современном обществе нет культа старика, культа аксакала. Люди постепенно забывают и уже почти забыли о том, что живший дольше – знает больше и может дать полезный совет. В православии сохранилась любовь к старцам, не только достигшим благодатного просвещения, но и к просто благообразным и мудрым пожилым людям, готовящимся переступить через грань, отделяющую время от вечности. Но это только в православии, а в жизни как таковой старик – это лицо, достойное жалости, а не уважения.

На Востоке традиционно прислушивались к голосу пожилого человека. Спросить, посоветоваться, сделать так, как скажут, – это аксиомы жизни многих обществ за пределами европейской цивилизации. И в этом они лучше нас. Их старики тоже лучше наших. Не всякая старость, к сожалению, мудра, и не всякая – богата опытом. Для того чтобы старость была красива, нужно, чтобы жизнь была прожита правильно. Доброта в глазах, степенность и немногословность в речи, умилительная седина – все это и многое другое – знак свободы от страстей, которые или побеждены и поправлены, или выжжены скорбями и болью прожитых лет.

Страшно смотреть на человека, в чьем немощном теле, от близости к могиле уже пахнущем землей, живут и действуют все те же страсти, что и в молодости. Отвратительны старики, завидующие и суесящиеся, злобствующие и не могущие найти других тем для разговора, как только поосуждать. Поскольку бесы бесстыдны, они способны возбудить любую страсть даже в умирающем человеке. Если люди прожили всю жизнь в погоне за комфортом и без мыслей о вечности, они и в старости могут быть заражены юношескими пороками. Ф. М. Достоевский показал такой образ – Федора Павловича, старшего Карамазова, раскрыл его философию.

Если лучи Евангелия глубоко проникнут в нашу постсоветскую действительность, мы сумеем защититься от дерзких попыток омолодиться, победить время, над чем бьется сегодняшняя забывшая о Христе медицина. Сильные мира сего всегда задумывались о продлении своей жизни. Китайские императоры верили, что жизнь будет вечной, если овладеть тысячей девственниц. Римские императрицы купались то в крови рабов, то в кобыльем молоке. Фантазия буйствовала, но немощи и смерть были неумолимы.

Сегодня богатые подключили к этим потугам медицину. Профессор Преображенский у Булгакова до опытов над собачками был известен тем, что возвращал богатым пациентам силу и половую потенцию, к примеру, пересаживал стареющим дамам яичники обезьян, чтобы сделать возможной полноценную жизнь с молодыми любовниками. Это смешно, но прозорливо. Современная медицина именно этим и занимается.

Классический образ старческой красоты, глубокой, мудрой, отражен Церковью в иконах Симеона Богоприимца. Всмотритесь в глаза этого человека, прожившего длинную жизнь с завидной верностью и постоянством. Вот он, готовый умереть, держит на руках недавно появившегося на свет Младенца, Который в то же время – Ветхий днями. Старик держит на руках Славу Израиля, Того, Кого он любил всю жизнь, не видя, а теперь видит и умирает с радостью. Он говорит «ныне отпускаеши» не так, будто его ждет смерть, а будто он – раб, уходящий на свободу.

Для того чтобы старость была красива, нужно, чтобы жизнь была прожита правильно.

И были, и есть старики, уходившие в вечность тихо и радостно. Они выступали из пределов земной жизни с надеждой увидеть своих родных, тех, с которыми смерть их разлучила и с которыми Христос их соединит. Были и есть старики, которые, достигши некоего возраста, уже не искали в жизни удовольствий, а жили просто – по послушанию, в ожидании удара того колокола, который прозвонит по ним. Многие тысячи таких людей унесли с собой свою тайну, а многие частично ею поделились. Из воспоминаний, писем, стихов мы знаем, что в старости мир пронзительно прекрасен. И ничего особого не нужно, чтоб быть счастливым, только смена дня и ночи, и времена года со своим пышным разнообразием, и старенькая Псалтирь на столе, и фотографии родных, и внуки...

Она подойдет к нам внезапно, сзади. Она прикроет нам глаза своими ладонями, и мы не сразу угадаем, кто это. Ее мягкие шаги уже к нам приближаются. Если не верите – вспомните, какими стариками казались вам десятиклассники, когда вы слушали первый звонок. Вспомните, какими старухами вам казались тридцатилетние женщины, когда вам купили первые сережки. Вспомните, как смеялись вы над людьми, женившимися в пятьдесят, когда в первый раз шли на свидание. Душа не чувствует возраста, и только зеркало да люди в транспорте, говорящие вам «Вы», подтверждают мои слова.

У архиепископа Иоанна Шаховского есть стихотворение на эту тему. Там есть такая строчка: «Я тебя уже люблю и знаю». Это о старости. Автор приветствует ее, благодарит Бога, что он до нее дожил, а приближение ее он распознал по углубившемуся чувству красоты мира.

Ее не надо бояться. Она красива не меньше, чем детство и юность. Дети знают об этом и льнут к старикам, как будто они посвящены в одну и ту же тайну. Старики платят малышам той же нежностью и привязанностью.

Вызванные из небытия в бытие божественной любовью, люди красивы всегда. Мир станет плоским и жутко обнищает, если мы лишим его красоты заката и багряных красок осеннего леса. Этим шедеврам природы в мире людей соответствует старость.

I. Что говорит о старости Библия

Непридуманные рассказы

Старики, о которых рассказал Ветхий Завет

Библия – удивительная книга, своего рода матрица, на которой видны все происходящие в обществе процессы. Конечно, в Библии есть много страниц о старости. Из Библии видим, во-первых, что старость – относительное понятие. Допотопные люди доживали до огромных сроков жизни. Первенцев они рожали, достигнув возраста трехсот или двухсот пятидесяти лет. Очевидно, это была совсем другая жизнь, которую мы с большим трудом можем понять, а может быть, и совсем не можем.

Это была жизнь очевидно воздержанных людей. Ефрем Сирин говорит, что первенца эти люди зачинали, только поупражнявшись в длительнейшем воздержании. Достигая двухсот или трехсот лет, они рожали первенца, а потом рожали много детей за всю свою жизнь. У них было прямое повеление населить землю. Эти люди доживали до семисот или восьмисот лет. Больше всех прожил Мафусаил – девятьсот шестьдесят девять лет. Это самый длинный срок прожитой человеком жизни. Так долго никто из людей не жил. Девятьсот тридцать лет прожил праотец Адам.

Это была другая жизнь, в которой наше представление о старости и наши нормы с нашими мерками «старость-молодость» никак не вписываются. Потому что если в триста лет они только приступали к чадородию, то это была жизнь с растянутым периодом сохранения свежести и силы всего человека. Мы сегодня этого представить себе не можем, потому что дряхлеем очень быстро. Виной этому и техногенная цивилизация, и грех, укоренившийся в человеке, который живет в нем, как червяк в яблоке. Грех подтачивает нас гораздо раньше, чем мы можем постареть. Мы другие люди, очень сильно отличаемся от допотопных.

После потопа появились люди, похожие на нас, которым сказано было, что конечный срок жизни их – сто двадцать лет. Но даже тогда люди были несколько другие, хотя и похожие на нас. Патриарх Моисей прожил сто двадцать лет. У евреев, к слову, есть такое благопожелание: сто двадцать. Они как бы желают друг другу, не объясняя ничего, а просто говорят: сто двадцать. Они понимают, что это пожелание границы долголетия, самых долгих лет человеческой жизни. Конечно, этим числом выражается и пожелание прожить эти годы в здравом разуме, не слепым, не ходящим под себя, на своих ногах. Все это было у Моисея.

Мы сегодня дряхлеем очень быстро. Виной этому и техногенная цивилизация, и грех, укоренившийся в человеке, который подтачивает нас гораздо раньше, чем мы можем постареть.

К стодвадцатилетнему возрасту у него была физическая крепость молодого человека, глаза его не ослабели, ни один зуб у него не выпал. Он был здрав умом и крепок телом. Вот такая старость является на праведниках.

В Библии видим, как женщины, находящиеся в преклонных годах, рожают своих первенцев. Девяностолетняя Сарра зачала Исаака и рассмеялась, когда узнала о том, что будет матерью. Она сказала: «Смех сотворил мне Господь. Каждый, услышавший обо мне, засмеется, узнав, что родила в преклонных летах и кормит грудью девяностолетняя старуха». Сарра была очень красивая женщина, в Библии говорится, что на нее обращали взор свой самые разные мужчины: фараон египетский и другие цари. Сарра была красивой и в шестьдесят, и в семьдесят лет, она привлекала взоры мужские. Авраам часто вынужден был называть ее сестрой для

того, чтобы не убили его и не забрали Сарру в жены какому-нибудь царю, заметив ее выдающуюся внешность. Сарра была красивой женщиной даже в поздних летах, хотя это было то время, когда люди были уже такие, как мы.

Столетний Авраам, рожающий сына – тоже старик преклонных лет, омертвевший чреслами. Апостол Павел говорит, что от одного, причем омертвело, родился целый народ. Действительно, Авраам в свои сто лет уже был омертвевший для чадородия человек, но Бог дал ему силу, чтобы он смог зачать долгожданного наследника Исаака. Это и наша старость, и уже не наша, это многоплодная старость.

Библия знает много других блаженных стариков, которые доживают до самых времен Нового Завета. Евреи тщательно берегли старость, бережно хранили ее, чему и нас учит пятая заповедь. В заповедях есть повеление вставать перед лицом седого, говоря: «Помни Господа». Каждый раз, когда в Писании говорится: «Помни Господа», это означает, что речь идет о каком-то важном событии. Нужно вспомнить Бога и сделать то, что говорится. А именно: перед лицом седого вставай. Видишь седину – должен смотреть на нее, как на отблеск славы Божией и почтить ее вставанием. Это библейская норма.

У древних евреев старики сидели у ворот, они вникали во все, что за воротами происходит. И сегодня на Востоке старики ведут примерно такой образ жизни. Они могут не сидеть у ворот, разбирая сложные перипетии жизни молодых, они играют в нарды или пьют чай. И само собою, о чем-то своем разговаривают, доживши до шестидесяти или семидесяти лет. Они уже не суетятся. Это нормальный образ поведения стариков на Востоке.

Наши старики несколько по-другому живут, они привыкли ходить на работу, бегать, трудиться, суетиться. Они очень болезненно переживают невозможность быть полезным. Выход в тираж это называется. То есть только что он бегал, бегал и вдруг – остановился. Без работы наши старики начинают чахнуть, им непривычно безделье, у них другой модус поведения. Просто сесть для них значит – развалиться на части и быстро умереть. Они должны ходить в гараж, ремонтировать машину, возиться с внуками, продолжать работать хотя бы на полставки, потому что они привыкли быть постоянно заняты, это деятельные старики. Это неплохо, но это совсем другое. Это не библейский образ поведения. А библейский образ поведения предполагает созерцание. Старость должна научиться созерцать. Она должна размышлять, вспоминать, говорить и думать. Старость должна молиться. Внуки, пожалуй, это то святое, которое старости остается.

Библейский образ поведения предполагает созерцание. Старость должна научиться созерцать. Она должна размышлять, вспоминать, говорить и думать. Старость должна молиться.

Пространство Священного Писания насыщено целым рядом священных стариков, которые ценны как советчики. Когда их не слушают, происходит катастрофа. Когда умер Соломон и его царство унаследовали его дети – Ровоам, в частности, он должен был стать царем над Израилем, – старейшины Израилевы пришли к нему с советом и сказали: «Мы говорили твоему отцу, он слушал нас, послушай и ты. Нужно ослабить налоговое бремя. Говори ласково к народу, обратись к нему, как к любезным тебе людям, и они будут рабами твоими во все дни». А молодежь спесивая внушила Ровоаму следующее: «Скажите им, что мизинец мой толще чресл отца моего. Отец мой бил вас плетками, а я буду бить вас скорпионами». То есть поступи с народом сурово, чтобы он боялся тебя и слушал. Ровоам послушался молодых и сказал дерзкие слова израильтянам. Израильтяне ответили: «Сын Давида, знай свой дом!» То есть он будет командовать только теми, кто из дома Давидова. Сказав так, израильтяне разошлись по шатрам своим. Вскоре наступил раскол в израильском государстве, который никогда больше не уравнивался. Израиль раскололся на две большие части. Давид остался со своим домом, и дети его – с ним, а все остальные пошли в другую сторону. Произошло крушение единого государства

Израильского, которое никогда больше в истории не было уврачено – из-за одного дерзкого совета молодых. Нужно слушаться стариков, которых жизнь научила и которым ты доверяешь. Это главная библейская нагрузка, которая возлагается на людей поседевших. Седину нужно понимать через отблеск славы Божией.

Рассказ одной древней души о Ное и потопе

Помню, что вода пошла внезапно. И ее сразу было так много, что казалось – она льется не из туч, а из опрокинутых ведер. Не было так, как бывает обычно: захмурится небо, упадут первые капли, потом пойдет дождь и вскоре закончится. Нет! Сразу как из ведер! И до чего же вместительны эти ведра!

Я вспоминаю, вспоминаю тот кошмар, и он медленно возвращается.

День сменяет ночь, и ночь сменяет день, а потоки литься не перестают. Небо словно приблизилось к земле плотным ковром, приблизилось, словно вооруженное войско, и мы в ужасе потеряли счет дням.

Солнца не видно. Вскоре уже никто не помнил и не понимал, сколько дней прошло с тех пор, как это началось. Три? Пять? Восемь? Дней, недель. А может, мы уже родились в этой воде и скоро у нас вырастут необходимые плавники, чтобы навеки жить в водной стихии? Скорее бы они выросли, если это так. Иначе всякая плоть захлебнется, набухнет от воды, посинеет, вздуется, станет отвратительной.

Старики поняли все первыми. Они сели на месте и, опустив головы, подставили костистые плечи холодным потокам. Они приготовились умирать.

Дети, которые вначале громко плакали, и женщины, которые несколько дней голосили, уже давно затихли. Как избитое плеткой животное, мы поняли, что ни плачем, ни криком делу не поможешь. И бежать некуда. Небо всюду пойдет за нами, не переставая лить на наши головы бесконечные потоки воды.

Всем холодно. Все мокры насквозь, и лучше оставаться голым, чем носить на себе тяжелые и мокрые одежды – шкуры или ткани. Но голым человек долго ходить не может. Он зябнет, его трясет, он сходит с ума от холода и страха. Плавники не вырастают, и чешуя не покрывает нашу плоть. Вместо этого мы синеем, как живые мертвецы, стучим зубами, как ожившие скелеты, и месим ногами грязь, не зная, куда бежать и что делать.

Старики поняли все первыми. Они сели на месте и, опустив головы, подставили костистые плечи холодным потокам. Они приготовились умирать. Даже если бы у нас были лодки, стариков никто бы не спасал. В таком ужасе не всякая мать уже помнит о своих детях. Если бы у нас были лодки...

И только теперь мы поняли, зачем так долго строил этот чудак такую громадину. Он был уже стар, и многие смеялись над тем, что не успеет достроить ее. В ответ он только смотрел, тихо и грозно, будто ему было уже открыто будущее – этот потоп. Вдали от большой воды, от моря или даже полноводной реки, день за днем и год за годом, он все строил и строил. А мы ходили смеяться над ним и наблюдать за работой. Сколько насмешек, сколько едких шуток выслушали его уши! Теперь, когда сквозь водяные потоки не видно далее протянутой руки, он сидит где-то неподалеку в своем громадном сооружении, и сидят с ним, поджавши уши и прижимаясь друг к другу, животные.

О, это было зрелище! Когда львы вместе с хомьяками и зайцами шли к кораблю, чтобы занять свое место, мы тоже смеялись. Но чувствовалось, что смех здесь уже не к месту. Было что-то величественное и страшное в этом наполнении корабля (ковчегом, кажется, называл его Ной) животными. И мы смотрели все на странную процессию, а кто-то из шутников крикнул: «Эй, Ной! Выгони вон того шакала и дай мне его место!» Все тогда хохотали. Но сегодня всякий сел бы на место шакала, на место свиньи, на место козы или козла, на какое угодно место, лишь бы вода перестала литься на его обезумевшую голову, а ноги перестали вязнуть в грязи.

Сколько грязи! Кажется, и камень размокает от всесильной влаги. Немного раньше уже трудно было ходить, а теперь волны бьют по коленям. Когда же это закончится? Неужели нико-

гда? Неужели мы все станем пищей рыб, которые никогда не плавали в этих краях, а теперь соберутся на пир? Пир из нашей плоти!

Вода подбирается к паху, и я уже не могу идти. Несколько вспухших трупов уже проплыли мимо меня. Это были женщины, молодая и старая. Трудно поверить, что это голое молодое тело еще недавно кого-то влекло к себе. Сейчас оно отвратительно, но и на полное отвращение сил уже нет. Нет сил бороться, нет сил идти. Закрывши голову руками, в этой бесполезной позе остается только стоять под проклятыми потоками и ждать конца. Вода поднялась выше пупка.

И поскольку греха было много, небо долго не прояснялось, а струи воды все лились и лились, смывая из книги истории огромную главу под названием «Допотопное человечество».

Она, кажется, прибывает быстрее. От щиколоток до пупка она поднималась дольше, а от пупка до горла ускорила путь. Я смирился с тем, что скоро начну хлебать эту грязь, уже полную мертвой плоти. После одного или двух глотков вода войдет внутрь, и я последний раз подниму глаза, чтобы увидеть свинцовые тучи и не увидеть солнца.

Но что это за темная и тяжелая громада покачивается невдалеке? Неужели это корабль Ноя? Вот для чего он строил год за годом этот смешной и огромный ящик! Если бы кто-то протянул мне руку оттуда! Но нет. В ковчеге нет и окон. В нем нет ни руля, ни парусов, ни мачты. Но в нем есть сухое место для людей и животных.

Страшная молния пустила щупальца по черному небу и исчезла, уступая права не менее страшному удару грома. В то краткое время, когда тьма разорвалась, стало видно ковчег. Он действительно качался на волнах и выглядел неуклюжим. Он бы выглядел грозно и одновременно нелепо, если бы не ужас, творившийся у его бортов. Сейчас же он был даже красив. Волны бились о его борта, и это были грязные волны. Насыщенные землей, обломками жилищ и мертвыми телами, эти воды собирали на себя грех, который успел стать для людей обычным и привычным. И поскольку греха было много, небо долго не прояснялось, а струи воды все лились и лились, смывая из книги истории огромную главу под названием «Допотопное человечество».

Принято осмысливать нынешнее через прошлое. Но можно идти и в обратном направлении... Прошлое можно осмысливать через настоящее.

Знакомство с судьями Израиля ***О разрешении важных вопросов, возрасте*** ***и милосердии в библейские времена***

У евреев до разрушения Второго Храма был Великий Синедрион, или Сангедрин – высший судебный орган, решавший самые сложные вопросы жизни народа. Всю бесконечную житейскую мелочь решали малые суды на местах, по городам. До высшего суда доходили лишь вопросы войны и мира, календаря, богослужения, богохульства, смертной казни. Число членов суда было нечетным – 71 – чтобы избежать полного равенства в случае решения неоднозначных проблем. И поскольку Синедрион решал вопросы не бытовые, а жизненно важные, то и требования к его членам предъявлялись экстраординарные.

Библейское сознание не могло родить ничего подобного современной фразе «завести детей». Дети принимались в дар, но никак не «заводились».

К примеру, нужно было знать все основные языки и диалекты региона, чтобы при допросах не требовать присутствия переводчиков. Были возрастной ценз и ценз по здоровью. Вне всякого ценза необходимо было доброе свидетельство от народа, начитанность в Писании, твердое следование Закону и прочее. Получался собор крепких умом и богатых опытом старцев, обладавших великолепной памятью и не утративших сил. Старцев, которым, по-земному говоря, лично ничего уже не надо, а в сфере интересов – только справедливость в суде, исполнение Закона, благо народа и слава Божия.

Была еще одна черта, выигрышно отличавшая древний Синедрион от всех других судебных устроений, а именно: его члены не могли быть бездетны. Безбрачия в Израиле не было. За редчайшими исключениями все мужчины были женаты. Ну, а иметь детей или не иметь – это уже не только дело супругов, но и дело Того, Кто детей дает. Библейское сознание не могло родить ничего подобного современной фразе «завести детей». Дети принимались в дар, но никак не «заводились».

Вот ярчайший пример отношения к этому щепетильному вопросу: «И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю. Иаков разгневался на Рахиль и сказал: разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева?» (Быт. 30:1–2).

Итак, членом Синедриона не мог быть человек, которому Бог не дал детей. Он не виноват, но все же не может занять должность. И вот почему. «Бездетные жестоки», – говорит опыт человечества. Бездетный человек, достигший заката жизни, но не встававший никогда к постели сына, не державший на руках внуков, не ведший дочку под свадебный балдахин, не может в принципе соотносить подсудимых с детьми или внуками. Они для него безнадежно далеки и чужды. Приговор, вынесенный таким человеком, был бы немилосердным, а суд ассоциировался тогда с милосердием.

Можно, конечно, спорить о логике подобного запрета – на бездетных судей, но спорить – это единственное, что мы умеем во времена бесконтрольной свободы слова. Лучше вдуматься, вслушаться в эту непривычную мысль. Человек всюду действует исходя из опыта. И вряд ли в определенных ситуациях мы откажемся отличать, например, воевавшего человека от человека сугубо гражданского, новичка от бывалого. В этом смысле опыт бездетности действительно отличает человека от того, у кого дети есть. Отличает, скорее, невыгодно.

Если «бездетные жестоки» даже в случае желания, но рокового неимения детей, то что же скажем о добровольной бездетности? Чем еще, кроме эгоизма, кроме желания «пожить для себя», объясняется бездетность тех, кто может рожать? Может, но не хочет? Бесчело-

вечие ведь фактаж свой представляет не только через криминальную хронику. Отвращение от округлившихся животиков, ненависть к пеленкам, к детскому плачу есть тоже современная форма басурманства и бесчеловечия. И если даже и можно спорить с бесчеловечием бездетных, то с бесчеловечием эгоистов спорить невозможно. Как сказал «апостол» эгоизма – Сартр: «Другой – это Ад». Необходимость подстраиваться под кого-то, учитывать чьи-то интересы, делиться комфортом и жизненным пространством для эгоизма невыносима. «Я», «мне», «мое», «у меня» – это исчерпывающий костяк эгоистического лексикона, следовательно – психологии.

«Бездетные жестоки», – говорит опыт человечества. Бездетный человек не может в принципе соотносить подсудимых с детьми или внуками. Они для него безнадежно далеки и чужды. Приговор, вынесенный таким человеком, был бы немилосердным, а суд ассоциировался тогда с милосердием.

Теперь вернемся к Синедриону. Можно ли судить кого-то, решать чужие судьбы, будучи полностью заикленным на себе? Не смертельно ли это опасно? Не кажется ли, что движение мысли еврейских законовевов совершенно правильно? Это при том, что и слово «боги», именно во множественном числе, в Писании означает «судей», тех, кто решает чужие дела и влияет на судьбы. После Единого Бога, Чья власть не оспаривается, есть маленькие «боги», которых мы сегодня пишем с маленькой буквы; в древности строчных и прописных букв не было. Об этом говорит Псалом 81-й. Приведем как цитату его часть:

*«Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд:
доколе будете вы судить неправедно
и оказывать лицепрятание нечестивым?
Давайте суд бедному и сироте;
угнетенному и нищему оказывайте справедливость;
избавляйте бедного и нищего;
исторгайте его из руки нечестивых».*

Как видим, речь о судьях как о «богах» с маленькой буквы.

Синедриона у евреев сейчас нет. Но дело не в этом. Дело в том, приблизились ли мы к истине, коснулись ли одного из ее живых нервов? Если да, то у мысли будут неизбежные благие последствия. Уясненная правда всегда меняет жизнь, пусть и не так заметно, как хочется.

Как мостик от истории и теории к действительности отметим следующее: бездетность лидеров современной Европы. Эту тему, к моему личному удивлению и тихой радости, в последнее время поднимали неоднократно самые разные журналисты и блогеры. Радость, это нужно обязательно пояснить, не от самой бездетности, а от того, что общественная мысль движется в русле здоровой оценки действительности. Итак, смотрим: во главе Германии, Франции и Британии стоят Меркель, Макрон и Мэй соответственно. Все трое в браке, все трое бездетны. Бездетны премьеры Италии, Швеции и Голландии. Правда, последний – Марк Рютте – холост. Бездетен, хотя и в браке, глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер. То есть налицо не случай, а закономерность. Особенно яркая, если сравнить эту новую выставку с галереей политиков еще недавнего прошлого. Закономерность была подмечена большой группой независимых друг от друга аналитиков и журналистов, зафиксирована людьми разных взглядов.

Я склонен думать, что бездетные (добровольные бездетные – особенно) могут быть склонны к черствости и жестокости в суждениях и поступках более, чем те, кто знает крест и радость родительства.

Дело, конечно, и в демографии, и не только в ней. Дело в глубинных сдвигах в мировоззрении современного человека. И дело в психологии бездетности, как в одной из разно-

видностей психологии эгоизма, этой мысленной раковой опухоли современного человечества. Дело, может быть, и в том, что для изменившегося человечества нужны изменившиеся вожди. Эгоистическим массам нужны, возможно, соответствующие эгоисты-водители, чтобы понимать друг друга, пребывать в одних мысленных координатах. Не нужны отцы и матери, бабушки и дедушки. Нужны потребители товаров и услуг, индивидуумы с набором прав и обязанностей, правители без санкции Неба.

Я склонен думать, что бездетные (добровольные бездетные – особенно) могут быть склонны к черствости и жестокости в суждениях и поступках более, чем те, кто знает крест и радость родительства. И мне глубоко близка мысль о том, что судьи – это «боги» с маленькой буквы. Совмещая обе мысли, получаем формулу: бездетные судьи, а также правители, начальники высшего ранга – это «жестokie боги». Ну, а что такое быть под властью «жестоких богов», нам подробно может рассказать история народов и цивилизаций. Да и само словосочетание «власть жестоких богов» говорит о себе достаточно ярко.

Сладкий плод старости

Мысли, возникшие перед образом родителей

Богородицы – праведных Иоакима и Анны

Иоаким и Анна долго были бесплодны. Так говорит Предание. Что значит это неплодство, нам трудно понять. Но нужно постараться. Бесплодие утробы есть некая длящаяся суббота. Ведь суббота касалась не только непосредственного труда, но и отношений с рабами, с землей и рабочим скотом. Земля, стоящая под паром, субботствовала Богу. И вол, имевший некий покой от труда, субботствовал. Утроба Анны субботствовала и была незачинающей.

Теперь перейдем от этих слов к другим. Когда Господа Иисуса убили, когда умер Он на позорном Кресте, приближалась суббота. И сняли с поспешностью тело Иисусово с орудия казни, и положили в новом гробе, «да не останут на кресте тела в субботу – бе бо велик день тоя субботы». А женам-мироносицам, находящимся под игом Закона, пришлось пережить целые ритуальные сутки, чтобы на рассвете первого дня пойти к гробу Господню с миром в руках. Этот субботний покой жен-мироносиц, возможно, был самым тяжелым в истории Израиля субботним покоем. Одно дело, когда ты отдыхаешь. Но совсем другое дело, когда ты готов бегать, и рвать на себе волосы, и плакать, и идти неведомо куда, – а ты должен по заповеди сесть на месте и сидеть целые сутки. О! Это были великие сутки очень тяжелого бездействия. Бездействие вообще есть вещь очень тяжелая.

Может, вы думаете, что люди в большинстве своем устали от суеты и мечтают о покое? Ничуть не бывало. Они не могут иначе жить, как только в суете и в мае. Посади их в тишину, и они начнут бить головой о стену, чтобы их выпустили туда, где орет телевизор, где мигает реклама, где рассказывают слухи и сплетни. Или вы этого не знали? Тогда вы не понимаете смысл субботнего покоя. Господь заповедал, приказал Своему народу упражняться в молчании и бездействии. На дурь у нас хватает сил. А вот молча и тихо сидеть мы не можем. Особенно трудно сидеть без действия, когда совершается нечто великое. «Как же без меня? Как же я не увижу?» Вот, все побежали, а я суббота. Да это же пытка! Суббота есть пытка для суетного человека.

Кое-кому нужно вбивать в голову мысли о необходимости трудиться до седьмого пота, зане он лентяй есть. Но многим нужно внушать идею безмолвного ожидания, идею молчаливого бездействия в ожидании ответов от Бога, Которому ты принес свои просьбы.

А если субботствует утроба? Если мы хотим детей, а утроба не удерживает семени? Современный человек нетерпелив. Он имеет на службе у своего эгоизма технические подспорья и медицинские технологии. Нет детей – добудем. Осеменимся чужим семенем. Найдем суррогатную мать. Вычудим что угодно, но сидеть сложа руки не будем. Так ведь? А Иоаким и Анна субботствовали. неплодной была утроба, и ничего, кроме молитвы, не предпринимали состарившиеся праведники. Надо почувствовать эту разницу между тем мировосприятием и нашим. Необходимо почувствовать.

Наконец терпение Иоакима и Анны вознаграждается. Я дерзаю проникнуть на малую секунду в опочивальню родителей Богоматери, чтобы сказать: было чудо! Похоти по старости уже не было, но желание родить ребенка оставалось. И в омертвевших телах возникло взаимное супружеское влечение, и была святая близость престарелых праведников, близость, которая обнаружилась со временем тяжестью под сердцем. Суббота закончилась. Закончилось терпеливое ожидание милости и священное бездействие. Настала пора воскресенья, то есть первого дня недели, который вскоре получит это имя. Так увенчивается священная праздность. Есть

ведь праздность греховная, рожденная ленью и унынием. А есть праздность священная, рожденная мыслью о том, что не все в мире зависит от меня. Все уже сделано. Я должен покоиться и не перегружаться тем, что от меня не зависит. Это бездействие есть проявление веры и мужества перед Тем, Кто все творит правильно.

Значит, пора учиться священному бездействию и нам. Кое-кому нужно вбивать в голову мысли о необходимости трудиться до седьмого пота, зане он лентяй есть. Но многим нужно внушать идею безмолвного ожидания, идею молчаливого бездействия в ожидании ответов от Бога, Которому ты принес свои просьбы.

Да научимся мы со временем благой активности и благому устранению от активности. И то, и другое да не убежит от нас. Потому что сухость, пустота, долгое ожидание милости, чувство бесплодности тоже полезны человеку. Они закаляют его. Они дают ощутить величие идущего вслед за ними дара Божия. Да и что было бы вселение в Обетованную землю, если бы за спиной не маячили многолетние призраки пустыни?

Иоаким и Анна были долго бесплодны. Иоаким и Анна родили наконец дитя. Иоаким и Анна субботствовали в бесплодии. Иоаким и Анна дождались подобия воскресения, родив Матерь Иисуса.

Да придет и к нам всем духовная плодovitость после многих лет подлинного бесплодия. Да будет так – когда Бог захочет, когда мы будем готовы.

Имя ему Иоанн

Мысли накануне празднования рождества Иоанна Предтечи

У них не было детей. В немолодые годы эта тяжесть с каждым днем всё больше пригибает человека к земле. У них не только не было детей, но уже не было надежды родить их так, как рожают обычных людей. Конечно, бывают те, кто может родить в старости. Но таковых до крайности мало. Авраам и Сарра, Захария и Елисавета... наших героев звали иначе, и в этом смысле у них не было шансов. Поэтому он сказал ей: «Иди и скреби по сусекам». Она послушно пошла, и вскоре был у них Колобок, круглый, как мяч для гандбола, и румяный, как бабка в годы далекой юности.

У него тоже не было детей. А еще не было ни бабки, ни сусеков с остатками муки. А желание иметь детей было. И он взял полено, чтобы вырезать деревянного мальчика. Наличие деревянного мальчика всегда лучше, чем отсутствие любых мальчиков. К тому же никто не знал, что мертвое оживет и бездвижное придет в движение. Никто не знал, что Колобок покатится по маршруту с конечными остановками «Подоконник – Пасть Лисы», а Буратино возьмется воплощать сюжет притчи о блудном сыне. И вот они стали родителями: безымянные супруги из русской сказки и шарманщик Карло. Вскоре будут они безутешны. Старики – навсегда, а Карло – на время. Потому что свет их очей – деревянный мальчик и хлебный мячик, – едва появившись на свет, скроются из вида.

Русская сказка и Алексей Толстой не знают творения из ничего. Сие немудрено. Творение из ничего не поддается описанию и без благодати на голову не налезает. Но они творят из того, что есть: мука и дерево. Они оживляют сотворенное, которое, как только оживет, сразу проявляет строптивость и наглость, дерзость и хвастовство. Вчерашнее полено бросает молотком в сверчка, хамит и бежит из дома. Самоуверенное хлебобулочное изделие думает, что успешное бегство от дряхлых стариков – залог всегдашних успешных побегов. Не иначе, мертвая природа заразилась от человека всеми страстями. Стоит ее оживить – она перейдет к бунту и празднику непослушания.

Ведь не сидится же никому дома: ни Буратино в каморке, ни Колобку в избе. Почему бегство неизбежно? Корни этой драматургии где? Не в том ли событии, которое зовется грехопадением и пропитывает всю ткань бытия?

Ты, человек, становясь творцом с маленькой буквы, приводишь в бытие то, что тебя перестанет слушаться. И уж лучше пусть будет это Колобок, а не ядерный реактор. Но всё равно: голос райской трагедии или – глубже – голос ангельского бунта слышны в этих двух историях. И разве только в двух? Чичиков, коль скоро вышел из-под пера, проворно побежал по миру, и его уже не остановишь. Вместе с Коробочкой, Маниловым и Ноздревым явившись к Гоголю, они его в гроб и свели. И все остальные бессмертные персонажи самостоятельно жить не перестают. Татьяна Ларина всё так же непоколебимо верна законному мужу, а Онегин так же безнадежно и самоубийственно влюблен. Все живут, все копошатся и движутся. Мадам Бовари носится в закрытой карете по улицам ночного Парижа, и д'Артаньян, сменивший плащ на пиджак, предлагает свои услуги де Тревилю – теперь высокому чиновнику госбезопасности.

Все бессмертные типажи наполняют собою жизненное пространство. Они живут независимо от авторов. Они бунтуют, потому что выпущены наружу, словно джинн. Первое, на что они способны, это восстание против автора-папы. Это восстание, дублирующее древний бунт грехопадения, вначале – ангельский, затем – человеческий. Есть Буратино среди оживших кукол, он занимает только отведенное ему место, не только Гомер среди поэтов занимает почетное место. Еще есть Ихтиандр, дышащий то жабрами в воде, то одним легким на улице. Этому, видишь ли, земной любви захотелось. Есть Винни-Пух, засыпающий читателей дзен-буддистским остроумием – то ли вопреки опилкам в голове, то ли благодаря именно им.

Ну и дожили же мы до таких степеней нравственного одичания, что любая констатация библейского факта звучит как вызов современному человеку, или – обличение, или – пророчество.

Человек не может не творить, раз уж создан он по образу Творца и с приказом приобрести подобие. А то, что сотворяет человек из полена, или муки, или художественного текста, ведет себя так же непослушно, как и сам человек. Деревянный мальчик хамит, мучной мячик совершает роковое бегство, художественные персонажи начинают автономное и непредсказуемое существование. В мире, полном поименованных явлений, мы живем. Это заметно, как только присмотришься к тому, что вокруг, и к тому, что внутри.

Как говорили раньше: нотабене. Ну и дожили же мы до таких степеней нравственного одичания, что любая констатация библейского факта звучит как вызов современному человеку, или – обличение, или – пророчество.

Повторим, у евреев не было движения «child free», и они детей насколько любили, настолько и хотели. Аборт у них тоже не было, отчего среди рождавшихся регулярно мальчиков и девочек появлялись время от времени Самуил, Давид, Илия. От них же родилась со временем Благословенная в женах. А когда приближалось время от Ее чистых кровей прийти в мир Сыну Благословенного, в этом же народе родился Предтеча Спасителя. Он родился от престарелых родителей.

Когда человек детей не хочет, то их отсутствие для него – исполнение желаний. А когда люди детей хотят, то их отсутствие – почти проклятие. Есть утешение – вспоминать Авраама и его долгую бездетность. Но это – слабое утешение, поскольку любой скажет: «То – Авраам, а это – ты, рядовой грешник». И я не приложу ума, с чем сравнить то глубокое смирение и печаль, которые носили в себе Захария и Елисавета, словно клеймом отмеченные бездетностью. Боюсь, что мы так и не ощутим глубину их скорби, поскольку живем иначе, в других смысловых координатах.

Есть еще одна грань долгого испытания бесплодием, она меня очень интересует. Кроме смирения, которое должно было родиться в душах супругов, и кроме отчаяния или ропота, которые ни в коем случае не должны были родиться, было еще нечто. Это «нечто» – умирание или хотя бы замирание страстей, а их умирание – рождение Божественной Любви.

Смысл старости скрыт, но ощутим в каждой минуте жизни, именно он и беспокоит человека, даже всем довольного на первый взгляд. Вне религиозного подхода смысла в старости нет. Вне восхождения к Богу она – пытка немощью, частичная расплата за совершенные ошибки. У старости появляется смысл лишь при наличии перспективы, обращенной в вечность. Тогда она – время опыта и отхода от суеты, движение навстречу к Богу, время молитвы. Сама прожитая жизнь обтачивает человеческую душу. Старику быть наглым и дерзким, глупым и похотливым так же противоестественно, как камню на морском берегу противоестественно быть острым, а не обточенным волнами.

Страсти должны умирать в человеке по мере накопления прожитых лет. В этом смысл старости. Должны умирать похоть,ребролюбие, болтливость, зависть, злопамятство. Должны крепнуть вера и предчувствие иной жизни. Современная культура пытается хвалиться именно тем, что молодит омертвевших, что создает условия для продолжения жизни страстей в преклонном возрасте. Но Захария с Елисаветой жили в иные времена и по-иному. Живи они сейчас, Предтеча, быть может, и не родился бы.

Когда человек детей не хочет, то их отсутствие для него – исполнение желаний. А когда люди детей хотят, то их отсутствие – почти проклятие.

Они жили по-иному, то есть правильно, «ходя в заповедях и оправданиях Господних». К моменту чудесного зачатия страсти увяли в супругах. Они не передавали своему благословенному дитяти весь багаж страстей, который обычно в молодые годы родители передают пер-

венцам. И первенцам, к слову, ой как нелегко от этих страстей живется. Они бывают буйны, как Рувим, и безрассудны, как Исав. Иоанну же должно было стать сыном горячих молитв, а не жарких юношеских объятий. Ему предстояло самому стать живой молитвой, и поэтому он родился у отца и матери в глубокой старости.

Вскоре предстояло и Деве понести во чреве от Духа Святого. Перед этим Бог творит последнее предваряющее чудо в женском естестве. Рождает старица. В девице ведь все готово к зачатию, только нет мужа. А в старице все умерло для зачатия, хотя муж есть. То, что Захария, онемевший после видения Ангела в храме, пришел домой и, оставаясь немым до самого рождения сына, приступил к жене как к женщине – чудо. Чудо – возникновение однократного желания в старом теле; желания, не отменяющего благоговейного страха и возникающего по послушанию голосу свыше. Чудо – само соитие людей, ничего уже не ждавших от своей высохшей утробы, чудо – и последовавшая затем беременность. «Я дал силу зачать, не дам ли Я и силу родить», – говорит Господь через Исаяю. Он дал силу родить и Елисавете, что было венцом чудес после обычного вынашивания, столь необычного в данном случае.

Предтеча родился. Его питали старческие сосцы, приучающие сына поститься с детства. Он, ничего не видя еще глазами, видел Христа сердцем, когда бился во чреве матери, и та исполнялась Духом, благодаря сыну. В это самое время непраздная Мария стояла перед Елисаветой и удостаивалась от нее имени Матери Господа.

Родившись, Предтеча развязал язык отца, и тот стал пророчествовать, но не в духе старого священства, приносящего кровавые жертвы, а в духе нового священства, благовествующего день за днем спасение Бога нашего.

Да развяжет же Предтеча и нам молчащие неизвестно какой немотой связанные языки. Да польется вновь по его молитвам столь необходимая человеческим душам проповедь деятельного и глубокого покаяния. Предтеча родился не только для того, чтобы его родной отец перестал изъясняться знаками. Он родился, чтобы вся полнота Церкви, все царственное священство, все люди, взятые в удел, отверзли уста на молитву и беседу о едином на потребу.

Услыши нас, Иоанне, и сделай так, чтобы раздалось повсюду, где есть твой праздник, святые слова, рождающие исправительный стыд и смягчающие ожесточенные сердца. Ты – голос вопиющего в пустыне. Взгляни – наши заполненные людьми города в духовном отношении ничуть не лучше пустынь. Подобно пустыням, они бывают бесплодны и, как в пустынях, в них воют шакалы и возникают обманчивые миражи. Но стоит раздаться царственному, львиному рыку твоей покаянной проповеди, как пустыня наводнится жаждущим спасения народом.

Поэтому услышь нас, Иоанне. Возгреми над ухом каждого пастыря, чтобы тот не болел немотой, но воспевал вслух народа великие дела Божии, начавшиеся с твоего рождения.

Рассказ о Симеоне Богоприимце и Анне Пророчице

Богатства ищут, счастья ждут. А старости не ждут и не ищут. Она приходит сама и без стука. Поначалу человек раздваивается. Внутренне он чувствует себя молодым, а в зеркале видит кого-то сильно помятого. Но потом человек смиряется. Он признает себя стариком и внутри, и снаружи, и если здесь нет отчаяния, нет на Бога обиды, то вполне возможно, что это начало подлинной мудрости.

В древности святость ассоциировали именно со старостью. Тело смирилось, похоть увяла, мир утомил однообразием разыгрывающихся сцен и наглым господством греха. А вера укрепилась, пройдя через искушения, и молитва не умолкла, и мысли об иной жизни занимают сердце, то пугая, то обнадеживая.

У молодых этого нет и близко. Им кажется, что мир можно в карман положить, как «ключ от квартиры, где деньги лежат». Человек умирает, сложив разжатые ладони крестообразно на груди, и ничего в них не уносит с собой. А рождается он с крепко сжатыми кулачками и долго потом за все цепляется и хватается, пока наконец не поймет, что ничего ему по-настоящему не принадлежит.

Возраст понимания, что тебе ничего не принадлежит, есть возраст мудрости и опытной слабости. Ребенок тоже слаб, но слаб неопытно. А старик, миновав сильную зрелость, опять вернулся в немощь, но имеет знание и опыт. В это время он, в идеале, должен иметь веру и молитву. Если нет их у него, значит, не тот у него опыт, и старость его рискует представить из себя нечто абсурдное и нравственно отталкивающее.

Мы нынче многого лишены. Цивилизацией нам подарены холодильники и телевизоры вкупе с завышенной самооценкой, зато смысл жизни от нас спрятался. Все как-то перекошилось и набок съехало. Стало трудно говорить о самых простых вещах.

Многие до старости не доживают, то есть перешагивают порог вечности абсолютно сырыми и неготовыми. И это не потому, что война или голод, а потому что наркотики, экстремальные удовольствия и просто грех за компанию с абсурдом пожиная жатву ничуть не меньшую.

Если же доживет до старости человек, то вполне возможно, что будет он при помощи косметики, подтяжек и подрезок обманывать собственное зеркальное отображение. Будет одеваться по-молодежному, ловить новости и делать вид, что он «в курсе». Короче, будет человек смешить юную поросль, для которой и сорокалетние-то люди кажутся динозаврами, не то что семидесятилетние.

Мы говорим об этом потому, что Младенец Иисус был встречен в Иерусалимском храме именно представителями благочестивой старости. Ветхие, как сам Завет, который они олицетворяли, Симеон и Анна видели в Младенце не просто еще одного ребенка, а наконец-то пришедшего Христа.

О Симеоне говорено много. Об Анне – меньше. Все, что мы знаем о ней, это то, что она была женщина, «достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лк. 2:36–37).

Быть может, это тот тип женщин, которые умеют любить только раз и, соответственно, только одного человека. Такой же была наша соотечественница – Ксения Петербургская. Мысль о повторном браке для таких женщин невозможна. После смерти супруга они и сами умирают для привычной жизни – и в ожидании ухода из этого мира заняты только молитвой и воздержанием.

Не цепляясь за эту жизнь и ничего в ней для себя не желая, эти люди очень нужны всем остальным. Не будь их, этих всецело отданных Богу людей, кто знает, смогли бы мы, при нашей

теплохладности, передать эстафету следующим поколениям? Не обречена была бы вера на угасание и исчезновение, если бы хранили и исповедовали ее только такие люди, как мы, и никто лучше нас?

Старик, миновав сильную зрелость, опять вернулся в немощь, но имеет знание и опыт. В это время он должен иметь веру и молитву. Если нет их у него, значит, не тот у него опыт.

Анна была вознаграждена видением Христа и узнаванием Его! Последнее – самое важное, поскольку видели Христа многие, но узнавали в Нем Мессию далеко не все. И это неузнавание было тем более тяжким, что оставалось оно в людях при слышании проповеди Христовой, при видении исцелений и воскрешений, совершенных Им, при насыщении из рук учеников умноженными Им хлебами.

А Анна ничего еще не видела и не слышала, кроме Маленького Ребенка на руках юной Матери. Но, жившая в Боге, Богом была она научена узнать Искупителя в этом Младенце. Это знание она в себе не удерживала, но «славил Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк. 2:38).

Что до Симеона, то мне кажется очень важным то, что это человек, не боявшийся умирать. Его жизнь была не чередой случайных дней, а осмысленным ожиданием встречи с Христом. Знал он и то, что после долгожданной встречи ему нужно будет сей мир покинуть. Встреча состоялась, и старец ушел из храма умирать.

Я уверен, что умирал он без страха. Руки старца помнили теплую тяжесть тела Божьего Сына, и эта память прогоняла всякий страх. Мне не известен никто, кто сказал бы об этой смерти, произошедшей после встречи, лучше Бродского.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству, лишенному тверди,
он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою
как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.

Мы будем умирать. Будем ли мы перед смертью молиться, зависит не в последнюю очередь от того, молимся ли мы сейчас. Удостоит ли нас Господь смерти «безболезненной, непостыдной, мирной» – это вопрос. Может быть, самый важный вопрос.

И мы будем стареть. Мы уже стареем. В этих печальных словах есть немножко радости о том, что избавление приближается. Кто знает, удастся ли нам дожить до почтенного возраста и полной седины? Если удастся, то сохраним ли мы ясный ум и твердую веру, пока неизвестно.

Важно принять жизнь как подарок и отпущенную чашу допить до капли, ничего не проливая и не расплескивая. Важно жить так, чтобы, пребывая еще на земле, душевные корни пускать в иную, пока еще невидимую для глаз жизнь, и к ней готовиться.

И мы будем стареть. Мы уже стареем. В этих печальных словах есть немножко радости о том, что избавление приближается.

Жизнь молодых людей полна целей и планов. Но есть своя цель и у старости. Звучит она грозно, и коротко, и не всем понятно. Цель старости – приготовиться к вечности и шагнуть в нее с молитвой Симеона: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...»

Жизни, которые больше столетия

Есть такая наука геронтология. Наука о старости и о продлении жизни. Мы садимся за праздничный стол и поем друг другу: «Многая лета». На день рождения и прочие праздники мы желаем друг другу долгих лет. Желают этого в разных культурах, на разных языках. И есть реальные люди, которые прожили сто лет. Но они прожили сто лет не по мирским привычкам и законам, то есть с колбасами, котлетами, валянием на диване и пошлыми сериалами. Нет, они жили в пустыне, в борьбе, войне, без еды и питья. Но прожили сто и более лет. А те, кто живет иначе – они живут, как чахнут, и уже к 70 годам превращаются в полные развалины. Конечно, есть исключения. И вот об этом я бы хотел поговорить.

И мы, мирские люди, хотим жить долго. Зачем долго жить? Чтобы дойти до состояния развалюхи и чтобы тебя возили на каталке в доме престарелых? Доживи до ста лет, но бодро, на своих ногах!

Преподобный Иов Почаевский, о котором речь пойдет ниже, прожил в монашестве долгие годы. Принял монашеское имя Иов в честь Иова Многострадального, которого Господь Бог сильно испытывал и искушал во образ Сына своего. Иов – это образ Христа. Униженный, мучимый ни за что, при этом сохранивший верность Богу и не отчаявшийся.

Так они жили, эти люди. Мало ели, мало пили, никаких удовольствий в жизни – скажем по-нашему: мороженого они не ели. Знал одного монаха – он правда мороженого никогда в жизни не ел. Рассказал мне, как в детстве грыз сухари, и сухари были такие твердые, что у него по деснам кровь текла. Эти люди прожили в монашестве всю жизнь – на сухарях. Сто лет жизни, из которых каждый год настолько был насыщен, что если его раздробить по кусочкам и повесить на плечи – то нужно было бы двадцать, тридцать, сорок человек, чтобы поднять эту тяжесть. А они так жили.

И мы, мирские люди, хотим жить долго. Говорим: многая тебе лета, сто лет, и так далее, и тому подобное. На самом деле есть люди, которые долго живут. Вот тот же Пимен, тот же Антоний Великий, тот же Иов Почаевский, и другие – они живут сотнями лет, но как живут? Для чего мы желаем друг другу жить долго? Чтобы наслаждаться, что-то вкушать духовное или телесное и находиться на пике разных наслаждений? А эти люди живут долго для того, чтобы трудиться, трудиться и трудиться. Работай и молись. Работают, молятся, молятся, работают. С бесами воюют и другим помогают.

Поэтому я бы хотел, чтобы мы с вами, исходя из сказанного, кратко, конечно, может быть, поверхностно, но все-таки чтобы мы поняли, почувствовали, прикоснулись к такой идее, что долго жить в принципе не надо. Зачем долго жить? Чтобы дойти до состояния развалюхи и чтобы тебя возили на каталке в доме престарелых? Доживи до ста лет, но бодро, на своих ногах! Как говорит Библия о Моисее (ему было сто двадцать лет), у него ни один зуб не выпал. И он телом был крепок, как сильный мужчина, и глаза у него не ослабели. Он без очков видел – очков тогда и не было, но он не ослеп от старости. Он был крепкий, сильный, мужественный человек. Такой был и преподобный Антоний Великий.

А почему они были такие сильные?

Почему наши старики сегодня при избыточном питании, при физиотерапевтических процедурах, при путешествиях, при том, при сем – почему они не такие?

Почему живут меньше и, доживая до каких-то годов, превращаются уже не в то, что хотелось бы им и нам? Память слабеет, нравственность затухает, молитвы нет, трудов нет. У них какое-то растительное состояние. Нет чего-то большого, духовного.

Поэтому очень хочется, чтобы человек имел духовную направляющую. Вспомним снова Иова Почаевского. Те, кто знает его, с радостью услышат это имя. Тем, кто не знает – я расскажу.

Середина XVI века. Волынь. Человек родился в православной семье, в десятилетнем возрасте захотел стать монахом. Ушел в монастырь и удивил всех жесткостью своей жизни. Раньше всех просыпался, позже всех ложился, мало ел. С утра на службе, все послушания исполняет, никому не прекословит, в устах молитва. Старики-монахи, которые там много что видали, думают: что за необычный ребенок, что он за диво такое? Откуда взялся? А он выше, выше, выше. Они ему говорят: ты должен быть игуменом, ты серьезный парень, ты должен командовать другими. Только он это услышал – сбежал из монастыря в другой. Туда пришел, его спрашивают: ты кто? – Я простой монах. – Ну давай, монашествуй. И он начал монашествовать.

Если, допустим, осел скажет, что он жеребенок, то его через день или даже через полчаса расшифруют. Так же и святой человек – поживет с тобой хотя бы день-два – и ты скажешь: э-э-э, брат, да ты не простой. Ты, наверное, святой. Иова тут же расшифровали и объявили ему: ты сильный, ты большой, ты должен быть игуменом. Иов и оттуда убежал. Пришел на Почаевскую гору.

Это такая интересная гора в Западной Украине. Поляки считают, что это Польша, украинцы – что Украина, русские могут считать, что это Россия, потому что она была в составе Российской империи. Но, так или иначе, это Божия гора, на которой Матерь Божия однажды явилась, наступила ногой Своей святой на вершину горы, и там остался отпечаток Ее стопы, и потекла вода, открылся целебный источник. Он и сегодня есть. На этом месте стоял монастырь, и жили монахи.

Хочешь долго жить – тогда живи, как святые. Святой человек жил сто лет.

Иов пришел туда, в Почаев. Его спрашивают: ты кто такой? Он отвечает: я монах. – Ну давай, монашествуй. Он начал монашествовать. Снова раньше всех встает, позже всех уходит из храма, никому не прекословит. Все, что сказали – делает, ни с кем не ругается, ни от чего не раздражается и как ракета летит в небо – не остановишь. Если ее правильно направишь, топлива хватает – она идет в небо. Всё! Уходи в сторону, ракета поднимается. Все поняли, что он не простой человек, и его в этом третьем монастыре сделали наконец игуменом, и вот там он стал Иовом Почаевским – в честь Иова Многострадального. А вообще был Иван по фамилии Золизо. Это украинское слово означает железо. То есть он был Иван Железо. Он и был – железным.

Но если бы он был по-настоящему железом, то железо уже сгнило бы, заржавело. А он был крепче, чем железо. Он вставал, трудился, работал, деревья сажал, землю таскал, перегноем деревья обкладывал, на просфорне трудился. Вообще работал, как раб, на всех работах, хотя был игумен. Всей жизни было его сто лет, а монашеской – девяносто. Он нашел на Почаевской горе такую яму, как змеинный лаз, чтобы можно было на брюхе заползти – нишу между камнями, и там он молился сутками. Иногда некоторые святые братья, которые имели духовную жизнь, видели, что из этой пещеры, где Иов сутками находился и не переставая молился Богу – вырывались как будто бы языки пламени.

От долгого стояния на молитвах у него загноились ноги. При жизни у него застаивалась кровь в ногах, и открывались раны, и текла сукровица – смесь крови со слезой, он очень от этого страдал. По смерти же его тело обнаружено было нетленным. Иова похоронили в 1651 году. А через восемь лет после смерти преподобный явился Дионисию, митрополиту Киевскому, и произнес: «Бог хочет через тебя открыть мои кости. Я Иов Почаевский», – и исчез. Тот проснулся, перекрестился, подумал: что-то приснилось, и заснул опять. Снова ему явился Иов и говорит: «Бог через тебя хочет открыть мои кости. Я Иов Почаевский». И исчез. Мит-

рополит проснулся, удивился, потряс головой и снова лег спать. И опять ему является Иов: «Третий и последний раз тебе говорю, что Бог хочет через тебя открыть мои кости». Но это уже было с некоей угрозой. Тогда митрополит подумал: что за Иов, какой Иов, что за Почаев?

Подумайте, сейчас на машине от Киева до Почаева 8 часов ехать. А раньше, в каретах, кибитках, на подводах – огромное расстояние. Ну, поехали в Почаев. Узнали про Иова. Раскопали гроб. Нашли тело. Открыли. Тело святое, нетленное. Лежит, как живой. Так он, как живой, и лежит в Почаеве сегодня. Можно открывать раку этого святого человека, целовать ему руку, рука теплая. То есть он живой. Когда его открыли, когда достали из земли – были исцеления. И бесы из людей исходили, и всякие хромые, кривые исцелялись. И было всем понятно, что Церковь нашла великого святого.

Мы хотим долго жить. Возникает вопрос: зачем? И как ты хочешь долго жить? Если ты хочешь долго жить, как живешь сейчас, то зачем тебе так жить? Хочешь долго жить – тогда живи, как святые. Святой человек жил сто лет. Хочешь так жить – живи, как Иов, будешь жить сто лет, на 100 % будь уверен. Не ешь, не пей, молись, постись, читай Псалтирь, трудись, ходи в храм Божий. Все, что заработаешь – раздавай, и будешь жить сто лет. Может, и сто пятьдесят, и двести. Может, ты великий святой? А если ты хочешь жить для себя, для своих интересов? Послаще, да потише, да поинтереснее, да повкуснее, да без греха? Без искушения, без трудов и без болезней, без борьбы и без войны, и без ударов, и без боли, без слез? Чисто пожить. Подольше. Тогда возникает вопрос: а зачем тебе долго жить?

Раньше люди жили долго. Чем дальше жизнь идет, тем люди живут меньше и меньше. Мы стали слабее. И, безусловно, если бы мы жили дольше – мы были бы хуже.

Раньше хотели, чтобы коммунистические вожди народа жили очень долго. И стремились найти законы природы, которые позволяли бы вождям жить подольше, чтобы Ленин, Сталин, Брежнев жили вечно. Вот такая наука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.